

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-2-418-434

EDN: MUHMWM

УДК 811.581'361'373

Научная статья / Research article

Объяснение лексико-грамматического материала при изучении китайского языка

Т.В. Демидова¹ , С.А. Баров² , Т.М. Соловьева³ ¹Независимый исследователь²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125993, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский проспект, 49³Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6 SABarov@fa.ru

Аннотация. Рассмотрен вопрос освоения грамматики глаголов китайского языка через образное восприятие семантической информации в связи с природной образностью и иконичностью китайского языка и его идеографии. Делается акцент на необходимости критически оценить европеизированный подход к основным единицам китайского языка в связи с вопросами преподавания. Представленные взгляды сопровождаются примерами с глаголами перемещения в пространстве. Авторы рассматривают приемы и принципы преподавания китайского языка с точки зрения необходимости пересмотра некоторых методологических установок, негласно присутствующих в учебных планах и материалах, а также предлагают альтернативные подходы к усвоению учащимися знаний с учетом их когнитивно-психологических механизмов. Акцентируется внимание на существенной недооценке специфики китайского языка как в типологическом, структурном, так и в содержательном аспектах, а также на том, что в трактовке грамматических явлений должным образом не отражены когнитивно-семантические параметры китайского языкового измерения. Подвергается критике общая парадигма преподавания китайского языка, оцениваемая как вестернизированная, то есть построенная по лекалам методик преподавания западных языков, существенно отличающихся от китайского языка по структурно-содержательным параметрам.

Ключевые слова: иероглифы, лингводидактика, когнитивно-семантический анализ, иконичность

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2022

Дата приема: в печать: 15.12.2022

© Демидова Т.В., Баров С.А., Соловьева Т.М., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Демидова Т.В., Баров С.А., Соловьева Т.М. Объяснение лексико-грамматического материала при изучении китайского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 2. С. 418–434. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-418-434>

Specifics of Lexical and Grammatical Rules in the Chinese Language

Tatyana V. Demidova¹ , Sergey A. Barov² , Tatyana M. Soloveva³

¹Independent researcher

²Financial University,
49, Leningradsky Prospekt, Moscow, Russia Federation, 125993

³RUDN University,
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198
 SABarov@fa.ru

Abstract. The study conducts a survey about the use of grammatical verbs in the Chinese language through the descriptive perception of linguistic information in connection with the meaningful world structure of the Chinese language and its characters. The research advises on the need to closely evaluate the European approach to the basics of the Chinese language in connection with teaching methods. The particular idea (research) provided by examples with verbs of movement in space. The authors judging by them long teaching experience advises and considers to revise some methodological rules that are general present in curricula and other materials, in addition, the authors suggests an alternative approach of mastering Chinese language for the western trainees by including into account their cognitive and psychological thinking process. Strong attention is focused on the underestimation of specific dimensional structure of the Chinese language the main reason of this statement is proven by the lack of cognitive-semantic patterns. The article also puts into a question the general methods of teaching Chinese famously known as the westernized which is significantly different in way of structural and content parameter.

Keywords: character, language didactics, cognitive-semantic analysis, iconography

Article history:

Received: 01.06.2022

Accepted: 15.12.2022

For citation:

Demidova, T.V., Barov, S.A. & Soloveva, T.M. (2023). Specifics of Lexical and Grammatical Rules in the Chinese language. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(2), 418–434. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-418-434>

Введение

Главная проблема, преследующая китаистов в практике преподавания китайского языка, — это вопросы, касающиеся основной его единицы. Преподавание часто ведется «по молчаливому принятию» такого положения дел, когда термин «слово», существующий на подсознательном уровне

у носителей индоевропейских языков как его основная единица, приравнен к «словоподобным» единицам китайского языка. В то же время многие китайские лингвисты, в частности основоположник современного китайского языкознания Чжао Юаньжень (赵元任 Zhào Yuánrèn), в своих трудах очень критично оценивают навязывание китайскому языку «уровневой теории» (морфем-слов) (см. подробнее: [1–3]). Общий посыл их рассуждений сводится к отрицанию возможности применения условно «западного подхода» в рассмотрении языковой структуры китайского языка, поскольку в китайском языке нет соответствия тому, что в индоевропейских языках называется понятием «слово», а называть иероглиф 字 (zì) «цзы» морфемой или словом неоправданно.

В силу сложности данной проблемы преподавание китайского языка зачастую ведется без должного учета его специфики, проявляющейся в когнитивно-семантическом плане. Нарочитая условность приравнивания понятия слова «европейского формата» к китайскому слову приводит к негативным последствиям в процессе преподавания. Авторами предлагается в качестве основной, базовой единицы языка рассматривать не любую номинацию, а тот *словознак* или *корнезнак* (термин А.М. Карапетьянца), который представлен на письме иероглифическим знаком «цзы» [4].

Корнезнак, представленный иероглифическим знаком 字 (zì) 'цзы'

В рамках «уровневой теории» этот базовый элемент языка еще часто называют «корнеслог». Именно вследствие слабовыраженной противопоставленности слова и знаменательной морфемы («корня») и неясности границы между ними китайцы вынуждены прибегать к терминам «корнеслог», «цзы» и т.п., покрывающим все случаи употребления значимого моносиллаба. Для подчеркивания особого, специфического статуса этой единицы, нам в своих статьях приходится называть ее в соответствии с китайской традиционной лингвистической традицией термином 字 (zì) 'цзы' (иероглиф) вслед за китайскими лингвистами Пан Вэньго и другими сторонниками теории 字本位 (zì běnwèi) — «цзы как основной единицы» [5]. Это простая односложная единица, несущая определенное значение и фонетически состоящая из одного слога, на письме представлена иероглифом. Единственный аргумент против введения ее в качестве основной единицы языка со стороны защитников «сосюрковского толкования» слова в парадигме языкового знака заключается в том, что в современном языке она редко функционирует как самостоятельный член предложения. Чаще всего такие единицы сочетаются с другими им подобными, образуя новую сложную по структуре номинацию, и как двусложное образование они уже могут самостоятельно использоваться в речи.

Тот факт, что в современном китайском дискурсе преобладают не односложные, простые «цзы», а именно двусложные, составные или производные «слова» также не позволяет лингвистам придавать простой единице статус основной в языке. Действительно, таковой считается статистически доминирующая двусложная единица, в китайской лингвистической традиции называемая «цзы» 词 (cí) — собственно ‘слово’. Эта единица (в дальнейшем называем ее по-китайски «цзы») имеет свойства слова на том основании, что она может выступать в предложении как его самостоятельный член.

Существенным отличием этой единицы от слов индоевропейского происхождения, является выделение из состава слова исходных элементов в неизменной форме и с сохранением первоначального значения. Китайское сложное слово «цзы» чаще всего имеет два элемента, которые можно интерпретировать как корни сложного слова (отсюда термин «корнеслог» по Н.Н. Короткову), каждый из которых при выделении из сложного образования может также выступать как самостоятельная единица номинации или, по крайней мере, как единица, сохраняющее свое вещественное значение (семантическое содержание). Действительно, многие из этих единиц утратили способность в речи выступать как самостоятельные слова, выполняющие определенную функцию в предложении. Это в первую очередь относится к единицам, которые несут не конкретный, а обобщенный или абстрактный смысл, например, слово 建设 (jiànshè) ‘строительство’, ‘построение’, — которое главным образом используется для описания процесса построения того или иного государственного строя, создания, образования института власти и прочего «контента», связанного с абстрактными идеями. Каждый из входящих в это слово элементов, выраженных иероглифами 建 (jiàn) и 设 (shè), в современном языке редко используется самостоятельно. В то же время, любой прошедший обучение в средней школе китаец осознает отдельные значения этих иероглифов и не испытывает затруднений при идентификации других слов («цзы»), содержащих в иных комбинациях эти элементы. Например, 建立 (jiànlì) ‘воздвигать’, ‘устанавливать’; 建筑 (jiànzhù) ‘возводить’, ‘сооружать’, ‘строение’; 建成 (jiànchéng) ‘построить’, ‘образоваться’; 建国 (jiànguó) ‘основать (образовать) государств’. Или же примеры с 设 (shè): 设立 (shèlì) ‘учредить’, ‘основать’; 安设 (ānshè) ‘установить’, ‘оборудовать’; 设计 (shèjì) ‘дизайн’, ‘планировать’.

Изначально иероглифы китайцами мыслились одновременно и с точки зрения их смысловой автономности, и как составляющие некоего общего смысла. Как пишет выдающийся советский филолог-китаист, профессор ИСАА МГУ А.М. Карапетьянц: «иероглиф китайского языка может представляться в сознании его носителей как элемент некоторой пары. Поскольку предикативность — динамическое представление действительности — и системность являются характерным свойством китайского языка вообще, эта пара, как правило, антонимична. Такие пары (антонимические и синонимические) в случае необходимости задаются текстами эксплицитно» [б. С. 117].

Применительно к вопросу функционирования в языке иероглифы, каждый из которых в древности представлял собой самодостаточное слово, сочетаясь с другими, образовывали новые смыслы, таким образом происходило увеличение лексики, что служило лучшему отражению в языке окружающей нас действительности. И по мере развития китайского языка постепенно начал происходить переход от односложной системы к двусложной, а «цзы» в этой связи выступали в качестве естественных производных от «цзы», многие из которых со временем потеряли свою прежнюю семантическую самостоятельность.

Заметим попутно, что данная статья ориентирована на проблематику дидактическую, потому «лингвистические коллизии» рассматриваются именно под углом зрения практики преподавания и на основе собственного языкового опыта авторов и не могут претендовать на окончательное решение лингвистических проблем выделения «китайского слова» как такового. В связи с тем, что основополагающим элементом китайского языка является именно «цзы», то и «цзы»-центричный подход является наиболее эффективным в отношении формирования лексических навыков у обучающихся, поскольку позволяет как бы перенести в их сознание языковую картину носителей китайского языка (см.: [7]). Что же касается вышеприведенных примеров и им подобных «сложных» слов, то в силу их множественности и неяркими, с психолингвистической точки зрения, различиями между значениями их запоминание чрезвычайно затруднительно для не-носителей китайского языка. Заглушенное семантикой переводных слов «строить», «посторонние» и пр. сознание носителей, в частности, русского языка не вполне успешно справляется с задачей запоминания, осмысления и использования соответствующих китайских слов, находясь как бы «в путах», «сетях» иной языковой картины мира.

В то же время большинство подобных элементов, входящих в состав сложных номинаций, в той или иной степени способны выступать в современном языке как отдельные самостоятельные слова. Например, 设宴会 (shè yànhuì) ‘устроить банкет’; 设一所学校 (shè yīsuǒ xuéxiào) ‘открыть школу’. Или примеры с 建 (jiàn): 建家 (jiànjiā) ‘создать семью’; 建塔 (jiàntǎ) ‘строить пагоду’ и пр. Таким образом, главнейшей и наименее решенной проблемой в методике преподавания китайского языка является именно игнорирование факта существования иного измерения языка не через призму «западного» (европейского) языкознания и его базовых постулатов о слове, а через аутентичное китайскому языковому сознанию и структуре этого языка измерение в опоре на термин «цзы».

Итак, что же скрывается за 字 «цзы»? «Цзы» — это монолитное, простое по форме — один знак (один слог) — и привязанное к определенному значению образование (единица). Его можно условно назвать «простым словом». Слова же сложные (词 «цй») не обладают монолитностью формы и часто делаются «на ходу» по интенции говорящего (ср. с русскими окказио-

нальными словами). Для этого у носителей китайского языка есть свой психолингвистический ресурс — когнитивно-семантический элемент — знак «цзы». По всей вероятности, знаки «цзы» в сознании носителей распределены по ассоциативно-семантическим полям, каждый пребывая в определенной ячейке в зависимости от особенностей своей семантики. Многие комплексы, действительно, часто употребляясь в одной и той же комбинации, превращаются в более спаянные между собой единицы, и их-то и можно причислить к сложным словам. Другие же, в основном глагольные «цзы» формируются непосредственно в речи по определенным законам семантической синтагматики и парадигматики. Последняя определяется характером вещественного значения «цзы». Игнорирование постулата о первичности «цзы» приводит к системным ошибкам в преподавании китайского языка.

На данном этапе в наших программах и учебниках нет места отдельному курсу по лексической семантике, который бы смог восполнить эти пробелы в преподавании, хотя знания в этой области помогли бы осваивать и осмысливать то, что в языке первично и стабильно — семантика отдельных «цзы», и то, что вторично и производно — грамматика и семантика производных лексических единиц «цзы». С точки зрения психолингвистических факторов усвоения лексико-грамматического материала современного китайского языка единица производная (в семантическом плане структурно сложная) не может служить базовой для запоминания ее учащимися с иным психолингвистическим фоном, носителями иного языкового строя и иной грамматической системы.

О существенном отличии «западного» (индоевропейского) слова от китайского уже давно писал известный китайский лингвист Люй Шусян. Он подчеркивал, что «слово в европейских языках является готовой единицей и на основании его анализа вычленяется морфема. В китайском же языке наоборот, готовой (то есть непроемной — Т.В. Демидова, С.А. Баров, Т.М. Соловьева) единицей является именно «цзы» [8]. Люй Шусян также отмечал запутанность и невозможность решения вопроса о китайском слове на основе «западных» языковедческих теорий, утверждая в частности, что отличить слово от словосочетания порой не представляется возможным [Там же]. В силу определенных причин так сложилось, что основное движение в методике преподавания китайского языка иностранцам задали именно те китайские лингвисты, которые в отличие от Лю Шусяна являются сторонниками «западного подхода» к исследованию языка и выступают за теорию, согласно которой «цзы» берется как основная единица. Этот подход и утвердился в последние 40–50 лет в китаистике. Под этим углом зрения и почти во всех учебниках и учебных пособиях алгоритм преподавания развернут по схеме «фонетика — письменность (иероглифика) — лексика (а что это в китайском языке зачастую остается для учащихся непонятным) — грамматика (а она-то и детерминирована не структурными свойствами «цзы»)»-сло-

ва, а — семантической наполненностью «цзы»-корнеслова)». Игнорирование важнейшей особенности китайского языка (в силу множественности семантически неделимых единиц «цзы») — выразить любую мысль и ее оттенки с использованием его номинативно-семантического арсенала и синтагматической последовательности значимых элементов — приводит к большим негативным последствиям в постижении аутентичности китайского языка как иного культурно-ментального явления.

Подобный подход в методике преподавания вступает в противоречие с самой природой китайского языка, являющегося, как и любой другой язык, прежде всего знаковым образованием. «Язык по своей цели — знаковая система; чтобы полностью удовлетворять этой цели, он всегда должен быть готов к образованию новых знаков, новых слов...» [9. С. 305]. В современном китайском языке новые знаки односложного порядка, «первознаки», практически не производятся, так как в нем имеется многотысячный «арсенал» из древнекитайского языка. И хотя этих «первознаков» значительное множество, список наиболее употребительных не превышает 3–4 тысяч. На их основе создается бесчисленное множество знаков более сложного строения — двусложных слов, где каждый дериват мотивирован семантикой входящих в его состав «первознаков» — «цзы».

При кажущемся избыточном количестве знаков «цзы» китайский язык вполне удовлетворяет своим функциям и легко усваивается его носителями. Это объясняется двумя факторами: 1. *психолингвистическим* — звучание (слоги, а не последовательности отдельных звуков коррелируют с отдельными иероглифами, которые воспринимаются визуально как гештальт-картинки, а не в результате анализа последовательности фигур); 2. *культурно-социальными* — информационно-образовательными процессами — грамотный китаец обычно с той или иной степенью четкости осознает значение отдельных «цзы». В Китае существуют специальные словари, в которых толкуются непроемные слова, а именно отдельные иероглифы, например *Словарь иероглифов Синьхуа* (新华字典 *xīnhuá zìdiǎn*). Сам факт существования таких подтверждает мысль о первичности именно «цзы» в языковой структуре, тем более что классический китайский язык вэньянь основывался именно на «цзы» в качестве своего базисного элемента (см.: [10. С. 14]). Изучающий же китайский язык иностранец при знакомстве с этим восточным языком опирается на основные парадигмы родного языка, тем более что формат стандартной методики зачастую «подыгрывает» его языковому менталитету и структурам.

Существенная опора в этой парадигме как раз и заключается в восприятии китайских слов без учета их структурно-семантических особенностей по образцу и подобию с индоевропейскими словами. Эта проблема, главным образом, касается усвоения тех слов, которые, если проводить аналогию с русским языком, по большей части в речи ведут себя как глагольные сло-

восочетания. К таковым, в первую очередь, относятся глаголы со значением перемещения в пространстве.

Как показывает многолетний опыт преподавания, в силу указанных выше причин студенты с большими трудностями воспринимают грамматический материал, касающийся так называемых глагольных модификаторов и результативных глаголов. Ошибки в использовании этих глаголов и непонимание их природы продолжается в течение всего периода обучения, особенно в условиях ограниченности аудиторного времени. Соответствующий материал признается грамматически значимым и потому рассматривается в разделах, перегруженных теорией и обобщенно-абстрактной терминологией. Все это негативно сказывается на овладении материалом современными студентами, воспитанными на «клиповой информации» и прочих «гаджетных технологиях». Необходимость совершенствования методики преподавания данных грамматических тем, впрочем, обусловлена не столько вызовами нового времени, сколько структурно-семантическими факторами собственно китайского языка, о которых сказано выше.

В связи со всем вышеупомянутым предлагаем подойти к трактовке грамматических явлений указанного рода глаголов с помощью семантико-когнитивных интерпретаций. Как пишет известный российский филолог, почетный президент «Российской ассоциации лингвистов-когнитологов» Н.Н. Болдырев, «формирование языкового значения напрямую связано и определяется тем, как представлено в слове то или иное концептуальное содержание и с какой конкретной категорией оно соотносено, то есть процессами концептуализации и категоризации» [11. С. 248]. В определенном смысле, чтобы изучать китайский язык с учетом его «особенностей», необходимо научить студентов концептуализировать и категоризировать мир в соответствии с китайским языковым мышлением. Обучающихся необходимо включить в ту языковую картину мира и ту семантическую сеть, которая присуща именно китайскому языковому сознанию и опосредовано представлена в значениях именно производных языковых единиц — «цзы».

Преподаватель должен учитывать, что изучающий язык опирается на неосознанное им знание семантики родных слов и их значения студент по наитию переносит на похожие китайские слова, что приводит к хаотическому встраиванию китайских концептов в иноязычную картину мира, принципиально отличную от китайской (см. подробнее: [12–14]). Единственным критерием, на наш взгляд, определения вектора и местоположения той или иной «чужой» семантической единицы может быть не нечто языковое, формально-знаковое, а именно третий угол семантического треугольника Огдена-Ричардса — сама действительность, сам денотат. Визуальное представление предметов и явлений, которые подлежат обозначению средствами китайских «цзы», помогает осознать и подобрать нужный знак. К необходимости обучать китайскому языку

через визуализацию соответствующих русских концептов подводит сама природа китайского языка. По знаковой характеристике он принадлежит к тем знаковым системам, которые называются иконическими. Как пишет российский синолог, старший научный сотрудник Институт востоковедения РАН А. Крушинский, «с философской точки зрения иконичность (в смысле Ч. Пирса) китайской письменности свидетельствует о безусловном доминировании образности и схематизма в стиле мышления китайцев» [15. С. 104–108]. Каждый «цзы»-иероглиф-словознак — это подобие некоторой картинке, символичной по своему характеру. Это особенно справедливо в отношении «цзы» с конкретной глагольной семантикой типа 拿 (ná) ‘*брать рукой*’, 踢 (tī) ‘*пинать ногой*’, 叼 (diāo) ‘*держат в рту (в зубах)*’, 挑 (tiāo) — ‘*нести на плечах*’ и т.п. Здесь орудие совершения действия — *рука* или же *нога* и *пр.* — интегрировано в сам «цзы»-знак в виде соответствующего рисунка (ключа или детерминатива).

Прежде чем приступить к обучению непосредственно грамматическим категориям, связанным с понятиями перемещения в пространстве, и, в целом, умению визуализировать некий образ, необходимо проводить с учащимися определенную подготовительную работу по преодолению стереотипов, сформировавшихся у них на базе изучения индоевропейских языков, где нет необходимости переключать сознание на визуализацию образа. Например, в английском и русском языках значительная часть лексического состава, естественно имеющего свои специфические черты и особенности, не вступает в конфликт или же какое-либо существенное противоречие по основным жизненно важными концептами перемещения в пространстве, типа *ходить-ехать, нести-брать* и подобными, как это имеет место быть при столкновении таких ментально разных когнитивно-семантических систем как русская, шире, европейская и китайская (см.: [16]).

Эта работа по психологической установке сознания «в нужное русло» во многом напоминает работу кинорежиссера на съемочной площадке. В первую очередь необходимо научить студентов видеть за глаголами соответствующие сценки-картинки, перевести пласт информации, связанной с соответствующими глаголами родного языка, из подсознания в сознание. Для этого можно, например, просить истолковать значение того или иного слова с помощью жестов, интерпретаций или примеров. Тот же глагол *брать* обычно интерпретируют телесно, показывая жестом как это действие происходит. В то же время производные от него другие глаголы русского языка типа *отобрать, забрать, выбрать* и т.п. жестово-указательными приемами истолковать уже гораздо сложнее, так как к интерпретации соответствующих действий необходимо привлекать еще и других лиц, другие предметы, местоположения и прочее. Технически работа по переключению сознания от родных лексических единиц к их образно-семантическому интерпретированию перекликается с компонентным анализом в лексической семантике,

целью которого является раскрытие содержания значений слов путем перечисления соответствующих признаков действия.

Формирование у студентов навыков за каким-либо конкретным действием видеть некую картинку, сценку этого действия помогает подвести их к пониманию того, что представляет в реальности то или иное значение, содержание глагольного знака «цзы». Навык делать осознанным и «видимым», например, значения таких слов, как *идти*, *войти*, *выйти*, *подойти*, *перейти* и т.п. помогает мысленно вычленивать разные модусы действий. В вышеприведенных примерах достаточно четко выявляется два компонента: собственно перемещение в пространстве с помощью ног и вектор этого направления перемещения в пространстве относительно субъекта действия или говорящего, или относительно оппонента — объекта, адресата. На примере этих глаголов и их семантики необходимо дать возможность «увидеть» два основных момента: 1-й — это перемещение в пространстве с помощью ног без обозначения направления; 2-й — это направленность движения относительно его первоначального местонахождения: *войти* — движение от внешней точки некоего помещения в его замкнутый контур, *выйти* — из некоего помещения наружу и так далее (см.: [17]). Это в некотором роде переформатирование уже абстрактного, основанного на флективных формах русского языка, распознавания как бы в более примитивное, «младенческое» состояние, что порой вызывает недоумение у студентов, готовых более к аналитическому мышлению, чем к такому визуализированному, образно-изобразительному. В то же время, преодолев «снобистское» отношение к подобной методике, они научаются и в дальнейшем на более сложных и абстрактных понятиях и словах находить психолингвистическую опору для запоминания значений более сложных концептов на базе картинок-сценок. Как в свое время сказал немецкий филолог В. Гумбольдт об изучении иностранных языков: «если же мы проникаем в глубины их тайн, в нашу сухую рассудочность врывается свежая струя неувядающей фантазии других народов, заключающих каждое впечатление, которое юный мир дарит их еще не притупившимся чувствам, в оболочку живого и подвижного образа» [18. С. 349].

Подобное утверждение справедливо и в отношении собственно семантического своеобразия китайского языка, как сохранившего в своих «цзы» образное восприятие мира древними китайцами в целом и его глагольной лексики в частности. Только после того, как этот семантический анализ осознается студентами, можно приступать к объяснению, по каким синтагматическим правилам такие действия будут описываться в китайском языке. В данном объяснении также необходимо подчеркнуть, что в китайском языке глаголов, обозначающих различные виды перемещения в пространстве, гораздо больше, чем в русском языке, и все они несут более конкретную и четко прописанную характеристику. Те основные глаголы, которые соответствуют

действиям самого субъекта — человека или животного, без направленности на объект, семантически подобны глаголам русского языка *идти* — 走 (zǒu) ‘идти’, ‘бежать’ — 跑 (pǎo) ‘бежать’, *лететь* — 飞 (fēi) ‘лететь’. Другие же, типа *плыть* — 泳 (yǒng) ‘плыть’, *карабкаться* — 爬 (pá) ‘карабкаться’, — не во всех ситуациях однозначны своим аналогам.

Для объяснения указанной темы достаточно ограничиться списком наиболее употребительных глаголов и на их примерах выявить основные лексико-грамматические особенности таковых. Глаголы, обозначающие действия перемещения объекта в пространстве, в китайском языке имеют гораздо более разветвленную семантическую сеть и отличаются от русских глаголов в первую очередь по признаку орудия совершения действия, то есть в зависимости от того перемещается ли объект с помощью руки, головы, ноги, на спине, на плечах, вместе с кем-то или еще каким-либо иным способом. Причем глаголы, обозначающие перемещение рукой, в свою очередь, имеют более конкретные наименования в зависимости от способа осуществления захвата рукой — пальцами, ногтями (когтями применительно к животным), в охапку или подмышкой и так далее. Каждому такому действию соответствуют различные глаголы-«цзы», тогда как в русском языке данное семантическое пространство покрывается значением одного глагола *нести* и его производных. Таким образом, описание различных ситуаций, каждая из которых имеет свое индивидуальное наименование, помогает учащемуся погрузиться в те фрагменты языковой картины мира китайцев, которые специфическим образом в ней прорисованы и не совпадают по своим границам с более обобщенными и абстрактными по содержанию глаголами русского языка. Далее семантические интерпретации и толкования можно переводить в структурно-семантическую область. Под структурой в данном случае подразумевается лишь некоторая синтагматическая последовательность сочетания «цзы»-корнезнаков между собой, соответствующая или же «параллельная» физическому опыту. Как отмечает канадский лингвист Дж. Хэйманом о языке вообще, «порядок элементов в языке параллелен с физическим опытом или порядком знания» [19. Р. 528].

Следует подчеркнуть, что в китайском языке, кроме множества глаголов, описывающих конкретные физические действия, имеется небольшой ограниченный список глаголов, в значениях которых не прослеживается никакой конкретной информации о характере действия, а отражается лишь его направленность. Точкой отсчета в этой направленности могут быть две координаты. Во-первых, сам повествующий, тот, кто говорит о действиях, и самое общее направление некоторого движения в сторону этого повествующего лица репрезентируется глаголом 来 (lái) — ‘прийти’ (ко мне), в обратную сторону — глаголом 去 (qù) ‘уйти’ (от меня). Во-вторых, некоторое местонахождение, локация первоначальной точки лица или объекта и ее конечного пункта относительно некоторого помещения, емкости и так далее.

Это те глаголы, которые принято называть модификаторами движения, такие, как 上 (shàng) ‘подниматься’, 下 (xià) ‘опускаться’, 进 (jìn) ‘входить’, 出 (chū) ‘выходить’, 过 (guò) ‘подходить-проходить’, 回 (huí) ‘возвращаться (приходить домой)’, 起 (qǐ) ‘подниматься’ (отрываясь от поверхности), 到 (dào) — ‘дойти до’.

Заметим, что тот перевод, которым снабжены эти примеры, очень условно передает значение соответствующих китайских глаголов. Например, 来 (lái) или 去 (qù) передают некоторую общую идею вектора движения *к кому/чему* или *от кого/чего*. Их значение, как наиболее абстрактное в своем концептуально-когнитивном измерении, в зависимости от контекста, от фона ситуации используется в значении *приходить* или *уходить*. Более четкую их характеристику необходимо сопровождать в аудитории конкретными примерами и наглядными средствами. Это основные глаголы с идеей направления перемещения как лица, так и объекта. Данные глаголы, в отличие от вышеприведенных, имеют более обобщенную семантику и могут как самостоятельно, так и в составе сложной номинации описывать или уточнять направленность движения лица или объекта относительно некоторой локации или замкнутого пространства. До учащихся необходимо донести мысль о том, что эти глаголы по семантике напоминают приставки или предлоги, но их позиция отличается от позиции в производных глаголах русского языка — перед корнем.

Позиция соответствующих китайских глаголов направленности определяется логикой или характером самого физического действия или самой сцены реальности, которую требуется означить. Фактическое действия (его манипуляционный алгоритм) совершается в результате последовательности актов, одного за другим или параллельности действия (например, ходьбы и т.п.) и его направленности, например, вверх или вниз. Как в реальности мы начинаем действие с поступи 走 (zǒu) и затем или почти одновременно (но не перед основным действием) направляем свою поступь вверх — 走上 (zǒushàng) или вниз 走下 (zǒuxià). Если же идем/перемещаемся в некий контур, вместилище, то 走进 (zǒujìn) ‘входить внутрь’. Если действие осуществляется мимо/через что-либо или до чего-либо, то — 走过 (zǒuguò), а если в обратном направлении (т.е. до места, где субъект проживает, обитает, учится и пр.), то — 走回 (zǒuhuí) и так далее. Важность этой психолингвистической и когнитивной установки на реальность, живую картинку бытия во многом предопределяет и логику последовательности действий с помощью «цзы» со значением некоторого конкретного действия и затем его направления либо некоего результата (здесь переключка с так называемыми результативными глаголами) (см.: [20]).

Подобная когнитивная установка со всеми предшествующими объяснениями и интерпретациями действительности через семантику русских лексем позволяет избежать негативного влияния со стороны семантической

и грамматической систем русского языка. Это способствует правильному формированию, встраиванию китайского языкового сознания как дополнительной когнитивной опции в наше слово-ориентированное мышление. Приведем для наглядности ряд примеров. *Выйти / выбежать / вынести* — 走出 (zǒuchū) ‘*выйти*’ / 跑出 (pǎochū) ‘*выбежать*’ / 拿出 (náchū) ‘*вынести*’. ‘*Войти/вбежать/внести*’ — 走进 (zǒujìn) / 跑进 (pǎojìn) / 拿进 (nájìn). Общая синтагматическая схема представляет последовательность «*цзы*» с семантикой от конкретного действия (*идти, бежать*) указывающего на сам характер его совершения к менее конкретной семантике векторного характера перемещения в пространстве вообще любых объектов, денотатов (наружу/внутри, верх/вниз). В зависимости от других лингво-структурных или лингво-содержательных обстоятельств, данные номинации могут состоять из трех компонентов. В таком случае в третьей позиции можно ставить самый общий показатель направления движения *от* или *к* говорящему 来 (lái) и 去 (qù). Например, ‘*выйти ко мне*’ — 走出来 (zǒuchū lái), — или ‘*выйти от меня*’ — 走出去 (zǒuchū qù).

Методическая установка на обозначение образа или картинку совершения действия позволяет выработать правильную стратегию при изучении грамматики китайского языка, которая в своей основе лексически ориентирована, то есть большинство категорий передаются лексико-семантическими средствами. Грамматика китайского языка лучше усваивается и понимается студентами, если задействованы механизмы визуализации обозначаемых действий, за которыми при переводе стоят концепты в их априори менее прорисованном контуре членения внеязыковой действительности. Контрастивная особенность семантики русского языка (в сравнении с китайской) и побуждает выйти из плана ее формы и содержания в план самой действительности и, оттолкнувшись от конкретной картинку (иконки), постигать семантику и грамматику китайского языка.

Как утверждает известный датский лингвист, создатель глоссематики Л. Ельмслев, «язык организован так, что с помощью горстки фигур и благодаря их все новым и новым расположениям может быть построен легион знаков. Если бы язык не был таковым, он был бы орудием, негодным для своей задачи» [21. С. 305]. Данная мысль вполне справедлива и для современного китайского языка, хотя ее нельзя воспринимать буквально. Речь идет о том, что в современном китайском языке основной содержательной единицей выступает не слово европейского формата, а «слово-корень», выраженный на письме с помощью иероглифа, заключающего в себе некую картинку действительности древних китайцев и со временем превратившегося в понятийный знак мышления и языка.

Как пишет американский лингвист, представитель функционального направления Т. Гивон, «при всех прочих равных условиях кодированный опыт легче хранить, получать и передавать, если этот код максимально изоморфен

опыту» [22. С. 189]. Можно утверждать, что китайский языковой код в гораздо большей степени изоморфен опыту, реальности в отличие от русского и прочих индоевропейских, посему и преподавание китайского языка должно учитывать данную его базовую характеристику. Обучающийся с самого начала должен осознавать, что китайский язык предельно детализирован или, иначе, «конкретен», потому и мышление в его рамках должно быть максимально иконичным, выстраиваться как бы в противоположность образности, абстрактности мышления носителей тех языков, в основе которых лежит понятие «слова», как некой новой, «надстроечной» номинации.

Выводы

В силу того, что иероглифы возникли в древности как «носители» понятийной картины мира древних китайцев, где каждый знак выступал как представитель некоего чаще образного понятия, в современном языке эти образы переправляясь в формы новых, сложных номинаций, сохраняют эту образность и ее мотивированность внеязыковым опытом, что отражается в семантике его единиц и их синтагматических принципах. Данные свойства языка, а именно мотивированность его знаков и их иконичность, как его онтологические свойства не отражены должным образом в методике преподавания китайского языка как в России, так и за рубежом. Обращение в процессе освоения лексико-грамматического материала, посвященного глаголам перемещения в пространстве к внеязыковому опыту, позволяет осознавать механизмы семиозиса единиц китайского языка и на этой базе наглядно и эффективно формировать соответствующие знания, умения и навыки.

Таким образом, в силу иконичности китайской знаковой системы, более логичным представляется преподавание грамматики вообще и глагольный в частности, с опорой на структуру реального опыта. И в этом направлении необходимо формировать навык видения данного опыта не через призму родного, русского языка (и прочих индоевропейских), а через отраженную в знаках «цзы» реальную картину действительности носителей китайского языка, китайскую языковую картину мира. Наиболее благоприятной с точки зрения формирования психолингвистических механизмов подобных навыков является именно глагольная лексика китайского языка с идеей перемещения в пространстве как наиболее изоморфная структуре реального опыта и наименее изоморфная содержательным структурам русского языка, в первую очередь, его лексике.

Библиографический список

1. Zhao (Chao) Yuanren. Aspects of Chinese Sociolinguistics: Essays (Language Science and National Development). Stanford: Stanford University Press, 1976.
2. Zhao (Chao) Yuanren. Language and Symbolic Systems. Cambridge: Cambridge University Press, 1968.

3. Zhao (Chao) Yuanren, Wu Zongji, Zhao Xinna. *Linguistic essays*. Beijing: Shangwu yinshuguan, 2006.
4. Карапетьянц А.М. Раннекитайская системология / отв. ред. А.И. Кобзев. М.: Наука, 2015.
5. Pan Wenguo. *Zi ben wei yu han yu yan jiu*. Shanghai: Hua dong shi fan da xue chu ban she, 2002.
6. Карапетьянц А.М. У истоков китайской словесности. М.: Восточная литература, 2010.
7. Демидова Т.В., Соловьева Т.М., Баров С.А. О когнитивно-семантическом подходе в изучении китайского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 1. С. 48–63. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-1-48-63>
8. Lǚ Shūxiāng. *Yǔwén chángtán* (Люй Шусян. Рассуждения о китайской филологии). Shēnghuó: dúshū, xīnzhī sānlíán shūdiàn, 2008.
9. Коротков Н.Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка. М.: Наука, 1968.
10. Карапетьянц А.М., Тань Аошун. Учебник классического китайского языка вэньянь. М.: Муравей, 2001.
11. Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 60. 2011. № 33(248). С. 11–16.
12. Рубец М.В. Роль китайской языковой картины мира в организации когнитивных процессов ее носителей // Общество и государство в Китае. Т. XLVI. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2016. С. 513–530.
13. Тань Аошун. Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность. М.: Языки славянской культуры, 2004.
14. Тань Аошун. Проблемы скрытой грамматики. М.: Языки славянской культуры, 2002.
15. Крушинский А.А. Стиль мышления древнего Китая: логико-методологический аспект // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 104–108.
16. Youmei G. Cognitive Linguistics-Inspired Empirical Study of Chinese EFL Teaching. *Cognitive Linguistics-Inspired Empirical Study of Chinese EFL Teaching* // Creative Education. 2011. № 2. P. 354–362.
17. Yin Hui. The cognitive semantics of Chinese motion / directional verbs // Working Papers of the Linguistics Circle of the University of Victoria. 2011. № 21. P. 118–125.
18. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985.
19. Haiman J. The iconicity of grammar: Isomorphism and motivation // *Language*. 1980. № 56(3). P. 515–540.
20. Zhang Liulin, Jiang Song. A Cognitive Linguistics Approach to Chinese Classifier Teaching: An Experimental Study // *Journal of Language Teaching and Research*. 2016. Vol. 7. № 3. P. 467–475. <http://dx.doi.org/10.17507/jltr.0703.05>
21. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: Прогресс, 1960. С. 305.
22. Givón T. I concity, isomorphism, and non-arbitrary coding in syntax // *I concity in Syntax: Proceedings of a Symposium on I concity in Syntax*, Stanford, June 24–6, 1983. Amsterdam/Philadelphia, 1985. P. 187–219.

References

1. Zhao (Chao), Yuanren. (1976). *Aspects of Chinese Sociolinguistics: Essays (Language Science and National Development)*. Stanford: Stanford University Press.
2. Zhao (Chao), Yuanren. (1968). *Language and Symbolic Systems*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Zhao (Chao), Yuanren, Wu, Zongji, & Zhao, Xinna. (2006). *Linguistic essays*. Beijing: Shangwu yinshuguan.

4. Karapet'yants, A.M. (2015). *Early Chinese systemology*. Moscow: Vostochnaya literatura publ. (In Russ.).
5. Pan, Wenguo. (2002). *Zi ben wei yu han yu yan jiu*. Shanghai: Hua dong shi fan da xue chu ban she.
6. Karapetyants, A.M. (2010). *At the origins of Chinese literature*. Moscow: Vostochnaya literatura publ. (In Russ.).
7. Demidova, T.V., Soloveva, T.M. & Barov, S.A. (2020). On the Cognitive-semantic Approach to the Study of the Modern Chinese language. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 1(11), 48–63. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-1-48-63> (In Russ.).
8. Lu, Shuxiang. (2008). *Reflections on Chinese Philology*. Shēnghuó: dúshū, xīnzhī sānlíán shūdiàn.
9. Korotkov, N.N. (1968). The main features of the morphological structure of the Chinese language. Moscow: Nauka. (In Russ.).
10. Karapet'yants, A.M. & Tan', Aoshchuan. (2001). *Textbook of classical Chinese language Wenyan'*. Moscow: Muravey. (In Russ.).
11. Boldyrev, N.N. (2011). Interpreting function of language. *Messenger of Chelyabinsk State University. Philology. Art history*, 33 ((248) 60), 1–16. (In Russ.).
12. Rubets, M.V. (2016). Role of the Chinese linguistic picture of the world in the organization of cognitive processes of its carriers. In: *Society and the state in China*. Vol. XLVI. Ch. 2. Moscow: IV RAN. pp. 513–530. (In Russ.).
13. Tan' Aoshuan. (2004). *Chinese picture of the world. Language, culture, mentality*. Moscow: LRC Publ. (In Russ.).
14. Tan' Aoshuan. (2002). *Problems of hidden grammar*. Moscow: LRC Publ. (In Russ.).
15. Krushinsky, A.A. (2009). Thinking style of ancient China: logical and methodological aspect. *Questions of Philosophy*, 1, 104–108. (In Russ.).
16. Youmei, G. (2011). Cognitive Linguistics-Inspired Empirical Study of Chinese EFL Teaching. Cognitive Linguistics–Inspired Empirical Study of Chinese EFL Teaching. *Creative Education*, 2, 354–362.
17. Yin, Hui. (2011). The cognitive semantics of Chinese motion / directional verbs. *Working Papers of the Linguistics Circle of the University of Victoria*, 21, 118–125.
18. Humboldt, V. (1985). *Language and Philosophy of Culture*. Moscow: Progress. (In Russ.).
19. Haiman, J. (1980). The iconicity of grammar: Isomorphism and motivation. *Language*, 56(3), 515–540.
20. Zhang, Liulin & Jiang, Song. (2016). A Cognitive Linguistics Approach to Chinese Classifier Teaching: An Experimental Study. *Journal of Language Teaching and Research*, 7(3), 467–475. <http://dx.doi.org/10.17507/jltr.0703.05>
21. Givón, T. (1983). I concity, isomorphism, and non-arbitrary coding in syntax. In: *I concity in Syntax: Proceedings of a Symposium on I concity in Syntax, Stanford, June 24–6*. Amsterdam/Philadelphia. pp. 187–219.

Сведения об авторах:

Демидова Татьяна Васильевна, кандидат филологических наук; независимый исследователь; научные интересы: когнитивная лингвистика; e-mail: tademidova52@mail.ru
ORCID: 0009-0001-0332-871X

Баров Сергей Андреевич, кандидат политических наук, доцент департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации факультета международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; научные интересы: контрастивная лингвистика, лингвокультурология; e-mail: sabarov@fa.ru
ORCID: 0009-0008-4844-1549

Соловьева Татьяна Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков Факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов; *научные интересы*: когнитивная лингвистика; *e-mail*: solovevatm@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-7492-1422

Information about the authors:

Tatyana V. Demidova, PhD in Philology, Independent researcher; *Research interests*: cognitive linguistics; *e-mail*: tademidova52@mail.ru

ORCID: 0009-0001-0332-871X

Sergey A. Barov, PhD in Political Sciences, Associate Professor, the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Financial University, Faculty of International Economic Relations; *Research interests*: contrastive linguistics, linguoculturology; *e-mail*: sabarov@fa.ru

ORCID: 0009-0008-4844-1549

Tatyana M. Soloveva, PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University; *Research interests*: cognitive linguistics; *e-mail*: solovevatm@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-7492-1422